

ВИКТОР СУПРУНЧУК

Деревенская любовь

Рассказы

Для тебя я готов на все...

Я стоял на самом краю света. За мной громоздились поросшие мхом огромные валуны, а чуть дальше чернели кривые, словно обгрызенные, скалы. Несмотря на теплый солдатский бушлат, меня пронизывал, казалось насквозь, бешеный ветер, дувший с моря и сыпавший соленую крупу. Но я не уходил с берега.

У ног терлись о камни волны холодного моря. Темного, бесконечного.

Я стоял и плакал. Мои слезы смывал мокрый ветер. От холода я постепенно успокоился. Мне стало легче. Никто не видел моих слез. Я, как всегда, спокойный, веселый парень. Такой же, как мои товарищи, с которыми изо дня в день проходит мое время.

Нас немного на этом маленьком острове в холодном, очень далеком от моей деревни, море. Спрятавшись за черной горой, на которой машут крыльями локаторы, стоят пять зеленых домиков и желтый — видимо, чтобы было веселее — двухэтажный барак. В домиках живут семьи офицеров, в бараке — солдаты. Мы — особая рота. Километров в двух от нас, тоже за горой, еще одна особая рота. И там несколько домиков и барак. Наш командир, высокий седой майор Кириллов, — начальник этого гарнизона. У него есть заместитель — капитан Гризюк, широкий, как печь. У него унылое выражение лица и короткая рыжая борода. Он отвечает за воспитательную работу с нами. Каждое воскресенье на втором этаже барака капитан Гризюк показывает нам кино. Репертуар небольшой: «Чапаев», или «Бриллиантовая рука». Эти фильмы будем смотреть до тех пор, пока не придет корабль. Он бывает раз в два-три месяца.

Посмотреть кино порой приходят жены офицеров с детьми. Тогда зал полон. Все свободные от службы солдаты ходят в кино. Теперь я понимаю: чтобы поглазеть на красивых женщин, празднично нарядных, от которых пахнет духами. Чьи голоса — словно волшебная музыка. Обычно мы видим жен офицеров у их домиков, в халатах или спортивных костюмах. У всех этих женщин одно «обыкновение» или, лучше сказать, забава — куры. Их они с утра до вечера кормят, за ними ухаживают, и иногда слышно, как хвалятся одна перед другой прибылью — количеством яиц.

В тот день я сидел в зале совсем близко от жены капитана Гризюка. Мое колено почти касалось ее спины.

Она была в белом платье. На плечах — красная кофточка. Густые черные волосы завивались и спускались почти до пола. Так мне казалось, потому что через минуту, после того как я сел сзади на стул, уже ничего не видел. Только ее белую, как сметана, прикрытую черными волосами, тонкую шею. Немного оттопыренные, маленькие уши с золотыми сережками, а в них прозрачные, как колодезная вода, маленькие камешки. Чувствовал тонкий аромат мягких сладких духов.

Звучала музыка, туда-сюда слонялись дети офицеров. Я сидел, как прикованный к стулу, смотрел на эту бело-розовую шею и боялся, что мне станет плохо.

Ее запах издевался надо мной. У меня было ощущение, будто я попал в ловушку. Я жадно глотал тот ароматный воздух, видел волну черных волос, которые перегибались медью под светом электрической лампочки.

Она несколько раз оглянулась, внимательно посмотрела на меня. У нее были веселые глаза. Губы шевелились в игривой усмешке. Меня осматривали, словно какую-то неизвестную вещь или игрушку.

Фильм закончился очень быстро. Я сидел бы в этом зале еще час, два, лишь бы только видеть ее перед собой. Смотрел бы, смотрел... Но зажегся свет, и она с соседкой, женой командира взвода Деркуса, весело переговариваясь, двинулась к выходу в зеленом потоке солдатских шинелей. Я ожидал, что она оглянется, снова посмотрит на меня своими веселыми глазами-угольками. Никто на меня не посмотрел. Настроение испортилось надолго, и я, словно в тумане, шел на вечернюю поверку, ложился спать. Ничего не слышал и не видел. В голове, как в кино, без конца прокручивались кадры с женой капитана Гризюка. Она садится на скамейку, смеется, оглядывается, расстегивает пальто. На ней черные блестящие чулки, как я замечаю — с рисунком. На ногах совсем маленькие, словно детские, красные остроносые туфли на высоком каблуке. Ее улыбка...

Я засыпаю где-то под утро. Мне душно и горячо, болят бока. Наконец снится, что она с мужем, капитаном Гризюком, за столом сидит, завтракает. Потом он целует ее, целует... Звучит музыка, и они начинают весело танцевать. Неожиданно спотыкаются и падают на пол, а длинные черные волосы поднимаются, как столб дыма.

Я хочу помочь ей подняться, протягиваю руку — и не хватает силы, потому что мешает борода капитана Гризюка. Я толкаю его, а передо мной стена, которая зажимает меня в угол. И нет оттуда выхода...

До армии я даже не смотрел в сторону девушек. Как говорил наш сосед в деревне, дед Мянтуз еще не созрел. Мало каши съел. Причем тут каша, кто его знает? Каждый по-своему начинает взрослую жизнь. Что-то происходит внутри, когда вдруг начинает нравиться девушка, лучше которой, кажется, нет ни одной на свете.

Я увидел жену Гризюка и будто сошел с ума. Мне хочется по несколько раз в день пройти мимо их домика, посмотреть, как она разговаривает с соседками, возится с курами. У меня сразу поднимается настроение, и я чувствую радость. И служба кажется медом. И мокрый ветер с моря уже не такой холодный. Утром я бегу кросс по каменистому острову с удовольствием, не прячусь у широкой теплой трубы гарнизонной котельни.

Я с нетерпением жду субботы, когда опять киносеанс, и жены офицеров будут сидеть вместе с нами в зале. Дни идут невыносимо медленно, тянутся, словно резиновые. А в четверг старшина роты с грустью сообщил, что капитан Гризюк, который поехал на большую землю в политотдел, вернется только на следующей неделе, а значит, новых фильмов не будет. На «Бриллиантовую руку» и «Чапаева» уже никто не пойдет: кому охота смотреть их третий месяц. Теперь суббота для меня обычный день, унылый, будний. Ощущение, будто у меня украли что-то очень дорогое и близкое.

Я угрюмо чистил на кухне картошку, не слушая, о чем галдят рядом мои товарищи, не воспринимая их анекдоты, байки. В голове жила только одна мысль, которая волновала мое существо и днем и ночью. Я подумал, что так бывает у людей с не совсем здоровой психикой. Но все же одно — думать о ком-то, и совсем другое — о себе. Что я должен делать, если все время перед моими глазами стоит Ольга Ивановна, жена капитана Гризюка? Ее черные волосы, пухлые губы и бело-розовая шея...

Стукнула дверь, и на кухню залетел дежурный по роте, с порога уже заорал: — Дубицкий, Дубицкий! Что, оглох, салага?

Какой я ему салага, если прослужил больше года? Но я смолчал. Дежурному по роте через два месяца домой, а мне еще много раз чистить картошку на солдатской кухне, ходить в караул и смотреть по субботам кино.

— Дубицкий! — опять заревел дежурный.

— Что такое? — наконец подал я голос. — Видишь: картошку обдираю...

— Давай быстренько к командиру роты, иначе он обеспечит тебе кухню до дембеля.

Я не спеша сполоснул руки, привел себя в порядок и пошел в канцелярию. Не меньше получаса простоял, ожидая, пока майор Кириллов закончит разговор по телефону. Впрочем, мне спешить некуда: меньше останется чистить мелкой, как горох, картошки. Где ее только набрали? Мои родители более крупной картошкой свиной кормят. Я так думал, но никому не говорил.

Справа от стола майора стоял высокий, как шкаф, с большой ручкой железный сейф. Видимо, все знали, что там командир роты хранит деньги офицеров и солдат. Это была гарнизонная касса, откуда майор Кириллов один раз в месяц под роспись выдавал нашу зарплату. Говорили, что в этом сейфе некоторые офицеры держали свои деньги несколько лет, собирали, чтобы поехать с семьями в отпуск на Большую землю. На острове был маленький магазин, в котором мы покупали сгущенное молоко, печенье, сигареты, конфеты и разную мелочь. Колбаса, сыр, сладости появлялись там тогда, когда раз в месяц с Большой земли приходил катер.

— Так, Дубицкий, так, — отклеил, наконец, свое ухо от телефона майор Кириллов. — Ты же, кажется, до армии учился на электрика. Правильно?

— Так точно!

— Значится так, Дубицкий. Пойдешь к капитану Гризюку. Его жена Ольга Ивановна теперь дома. У них что-то случилось с электричеством, испортилось что-то. Какая-то авария. Ольга Ивановна скажет, что делать. Понял?

— Понял.

— Еще передашь ей этот конверт, — майор Кириллов достал из ящика стола ключ, отомкнул сейф и передал пухлый конверт. — Смотри, чтобы мне потом не было стыдно...

Ольга Ивановна стояла на крыльце и разговаривала с соседкой. На ней был красный в цветочки, почти до пят, халат. Она весело смеялась. Удивленно посмотрела на меня и пригласила в дом.

Я быстро исправил аварию, если так можно назвать то, что я сделал, — не работали две розетки, — и присел у стола, дожидаясь хозяйку, все еще болтавшую с соседкой во дворе. На стене напротив меня в деревянной рамке висела большая черно-белая фотокарточка Ольги Ивановны и капитана Гризюка, на которой он был без бороды и в лейтенантских погонах. У него были веселые наглые глаза. Казалось, он обращался ко мне: «Видишь, какая моя жена красавица?! У тебя такой никогда не будет...» Будто стоял рядом. Я даже оглянулся, встряхнул головой, прогоняя наваждение.

Стукнула дверь, неспешные легкие шаги все ближе и ближе. Она осмотрела меня, усмехнулась:

— Так это ты — Дубицкий, специалист по электричеству?

— Как видите...

— Кириллов сказал: «Пришлю Дубицкого». А я думаю: что за Дубицкий... Все сделал?

— Сделал. Холодильник работает, телевизор тоже. Ой, простите, — я вспомнил о конверте и передал его Ольге Ивановне. Она разорвала его: там были деньги. Пересчитала их и положила в буфет.

— То, что нужно, а то Гризюк забрал с собой последние. Ну, спасибо, спасибо, — она вновь заулыбалась, постукивая ногтем по столу.

— Не за что. Тогда я пошел, — я поднялся, не зная, как держать свои руки и чувствуя, что краска заливает мне лицо, шею. Мне одновременно хотелось и побыстрее выйти на улицу, и остаться в доме.

— Посиди, посиди. Успеешь в свою казарму. Покормлю тебя чем-нибудь вкусным.

— Понимаете, Ольга Ивановна...

— Ничего не понимаю. Никакая я тебе не Ольга Ивановна. Называй меня просто Олей. Если хочешь — Оленькой, но только не при муже. Он у меня очень ревнивый, — она захохотала и провела рукой по моей голове, лохматя волосы. Мне стало совсем горячо. Я боялся поднять глаза от пола, посмотреть на Ольгу Ивановну. У меня язык не повернется назвать ее Оленькой.

Она уже хлопотала у плиты, поставила на огонь сковороду. Запахло жареным салом и луком.

— Слушай, Тарас... Тебя ж Тарасом зовут? Подрежь рыбы, а то она твердая, как железо. У меня силы не хватает ее разделявать. Так ты — Тарас. Тарасик. Тарасик, где твой матрасик? — она опять захохотала и добавила: — Да не стесняйся ты. Я нормальная женщина. Если жена капитана, так что — не человек? Я вас, солдат, понимаю: вокруг одна вода. Ни танцев, ни девушек. Только «Чапаев» и «Бриллиантовая рука». Мне самой иногда так грустно, что, кажется, вот-вот завою, как волчица. Каждый вечер считаю дни, когда мы, наконец, переедем на Большую землю. Осталось еще сорок пять дней. И все. А тебе много еще?

— Почти четыре месяца...

— Ничего, пролетят. Мы здесь уже пять лет. Сначала казалось, что никогда не закончатся. Садись ближе к столу! Не стесняйся и никого не бойся. Тем более, что Гризюк вернется только через неделю. Раньше нет катера. Пусть отдохнет, а я — от него...

Стол был шикарный. На всем свете не было, пожалуй, лучшего: потрескивали на горячей сковородке шкварки, накрытые желто-белыми яйцами, в трехлитровой банке, словно клюква, красным светом сверкала икра, на тарелке пластами лежал палтус. Соленые помидоры, огурцы, капуста, сыр. В центре возвышалась бутылка «Столичной».

Солдату всегда хочется есть, а тут еще такие лакомства, — и я ел, как говорится, от души. Выпили по рюмке, второй. Ольга начала расспрашивать меня о родителях, откуда родом, есть ли девушка. Обычные вопросы, которые мы время от времени задаем друг другу.

Лицо у нее порозовело, она еще похорошела. В черных, как смоль, глазах, появился лихой огонек. Она встряхнула головой, и волосы закрыли лицо, плечи.

— Ну как? Нравлюсь тебе? — кокетливо спросила, прижмурив правый глаз.

— Очень...

— Я это в кино заметила. Ты мне сразу бросился в глаза. Высокий, плечистый и волосы как лен... — она положила мне на тарелку шкварок, рыбы: — Ешь. Кто хорошо ест, тот хорошо и работает.

После третьей рюмки я осмелел и начал расспрашивать ее. Она была, как и Гризюк, с Украины. Окончила педучилище, но ни одного дня не работала. Вышла замуж за Гризюка и через неделю уже была на этом острове.

— Грустно мне. Скуотища. Но если подумать, что ждет там, на Большой земле, то тоже никакой радости. Денег мало. Ни нормальной одежды не купишь, ни обуви. Не говоря уже о машине или квартире. За туманом, за туманом ничего не видно... — затянула она высоким сочным голосом и вдруг резко оборвала песню. — Разбередил ты мне душу, Тарасик...

Неожиданно Ольга наклонилась ко мне и поцеловала в губы. Словно обожгла огнем, и я, как сумасшедший, опьянев от этого поцелуя, потянулся к ней, обхватил двумя руками. Но она оттолкнула меня. Да так, что я ударился затылком о стену.

— Извини. Все. Иди!.. Скажешь Кириллову, чтобы отпустил тебя завтра после обеда. У меня еще две розетки испорчены...

Всю ночь я не спал, лежал без мыслей, представлял, как после обеда иду к Ольге, стучу в дверь. Она на пороге улыбается мне. Потом целует. Сильно. Чувствую, как начинают гореть губы и становится горячим лицо. Не могу дождаться, когда наступит утро. Мне тесно в казарме, не хватает воздуха. Рядом храпят такие же солдаты, как я. Но им далеко до меня. Никого из них не целовала Ольга, самая красивая женщина на свете, и никого не приглашала после обеда к себе. Сейчас я

способен подпрыгнуть до неба, доплыть с острова до Большой земли. Пусть она меня только попросит! Какие у нее вкусные губы! От одного ее прикосновения, казалось, перевернулся мир. И я забыл обо всем и обо всех на свете. Вот она какая — любовь! Значит, я люблю ее! О Боже, а какой запах от волос, от рук!.. Глаза необыкновенные... Они зовут к себе, в них ласка и нежность...

Перед обедом меня остановил майор Кириллов. Ветер притих, солнце смотрело прямо вниз, заставляя жмуриться. Жмуриться и радоваться последним теплым дням перед наступлением осени. Командир роты стоял у казармы с непокрытой головой, курил, подставив широкую блестящую плешь под солнечные лучи.

— Будто в Сочи. Правда, Дубицкий?

— Не знаю, товарищ майор. Никогда там не был.

— Ну, ну... Когда-нибудь побываешь. Звонила Ольга Ивановна Гризюк. Благодарила за качественную работу. Просила, чтобы опять после обеда пришел. Еще у нее розетки испорчены, — майор прикрыл глаза от солнца. — Смотри, аккуратно, замыкание не сделай...

Кириллов усмехнулся, но глаза были хмурые, недовольные. Он бросил окурок в мусорку, сплюнул и пошел в канцелярию. Уже на крыльце, не поворачивая головы, буркнул:

— Смотри аккуратно...

В столовой я съел только рыбу и выпил компот. А остальное не лезло в горло. Ноги, не подвластные разуму, несли меня к офицерским домикам. Я обошел их несколько раз, осмотрелся. На улице никого не было видно. Чей-то мальчуган на велосипеде пролетел мимо по дороге в сторону второй особой роты. За перегородками возились куры. Изредка драл горло петух майора Кириллова. Один на всех офицерских кур.

Я решительно взошел на крыльцо. Не успел постучать, как дверь отворилась. Через мгновение я стоял в темных сенях, и меня жадно целовали горячие губы. Я, казалось, тонул в ароматных густых волосах Ольги, пил сладкую кожу, чувствовал руками совершенство ее тела.

В казарму я вернулся, когда уже стемнело. Тихонько разделся и лег спать. Заснул, как только накрылся одеялом. И вскоре проснулся: все тело было пропитано Ольгой. Ею пахли руки, одежда и даже кровать. Я дышал этим воздухом, не мог без него жить. Оленька была нужна мне, как вода, солнце, небо.

Теперь, где бы я ни был, рядом незримо присутствовала она. А ночью, когда засыпала казарма, я, словно вор, залазил через окно в квартиру к ней, жене капитана Гризюка. Возвращался под утро перед побудкой. Я полз, будто зверь, по траве, по полу, взбирался по стене казармы, вспоминая всю науку, которую получил в специальных войсках под командованием майора Кириллова и благодаря которому очутился на этом острове.

Два дня оставалось до возвращения капитана Гризюка с Большой земли. Я ни о чем не думал, я был счастлив. Забыл о небе и земле, забыл, что служу на острове, что отсюда можно выбраться только на катере, либо, если бог даст, на самоходной барже. Я был счастлив...

Я проснулся от того, что она заплакала. За окном было темно, слышалось мощное дыхание моря. Я обнял ее, прижал к себе и тоже заплакал. Не знал, что меня ждет и что мне делать. Оленька... Оленька... Как ты могла выйти замуж за этого бородатого толстяка Гризюка?.. Ну и что, что он капитан? Может, придет время, когда я буду полковником либо генералом. Главное — я люблю тебя, Оленька. Для тебя готов сделать все, что пожелаешь... Готов на все...

— Вскоре придет Гризюк, и закончится наша любовь. Напрасно я все это начала. Ничего хорошего у нас впереди нет. — Ольга тяжело вздохнула, поднялась с постели, закурила сигарету. Я и не знал, что она курит. — Месяц назад от мамы было письмо. Будто бы подходит очередь на кооперативную квартиру, а денег нет. Вот тебе и вся любовь. Ты — солдат, я — воспитательница детского сада, которая не работала ни дня. А если б и работала?.. Ты знаешь, Тарасик,

какие зарплаты у воспитательниц детского сада? Слезы... Так что нужно мне держаться моего Гризюка. Может, еще подполковника получит.

Она погасила сигарету о блюдец, склонилась надо мной, поцеловала. Я обхватил ее, прижал к себе. Не мог представить, что через два дня Ольга будет вместе с Гризюком. Он ее целует, обнимает... А я кто? Куда мне податься? Как мне дальше жить? А деньги... Деньги — не проблема. Есть у меня руки, ноги, голова. Заработаю. Лишь бы Ольга была со мной. Без нее я не смогу жить. Они поедут на Большую землю. Мне служить еще четыре месяца. Может, мне сбежать? Но как отсюда убежишь? Я верю, что она меня будет ждать. И мы будем вместе. Что такое четыре месяца? Ничто. Мы встретимся на Большой земле и будем жить вместе. Я ее очень люблю. А она меня? Тоже... Что нам еще нужно? Ничего. Все остальное я добуду сам.

В канцелярии у стола майора Кириллова стоит сейф полный денег. Ключ от него — в верхнем ящике стола. Я будто вживую увидел, как командир роты достает ключи, открывает сейф. Кстати, завтра я дежурный по роте. И, когда все спят, никто не помешает мне отомкнуть тот железный ящик. Я принесу деньги Оленьке, помогу ей, и она будет меня любить. Оставит Гризюка, чтобы быть только со мной. Мы поедем ко мне на родину. Я устроюсь электриком на завод или в колхоз. Ольга будет работать в детском саду. Мы построим дом. Большой, из красного кирпича, как у председателя колхоза. Посадим сад. Десять яблонь, четыре груши, вишни, сливы... Все будет хорошо, Оленька. И деньги тебе я найду...

Той ночью был сильный шторм. Шумело, грохотало море. Еще немного и, казалось, волны накроют казарму, прямо стонавшую под натиском ветра. И если бы не гора, возвышавшаяся поперек острова, была бы беда. Но солдаты, уставшие за день тяжелых военных трудов, спали. Отдыхал и дневальный — ефрейтор Марару, курносый молдаванин, мечтавший после армии пойти служить в милицию участковым в своей деревне. Я нагнулся над ним. Что-то, видно, ему снилось, потому что Марару улыбался, а из полуоткрытого рта текла слюна.

Минуту-другую я слушал дыхание большого количества людей. Потом вышел на крыльцо. Было темно, хоть глаз выколи: ни одного огонька. Беспрерывно стучал по освещенной мачте кусок железа. Офицерские домики пропали на чернильных просторах ночи, насыщенной густым холодным дождем.

Я взял из ящика ключи от канцелярии и, дрожа от страха, отомкнул дверь. Отступать уже не мог. То, что задумал, — выполню. Дневальному спать еще час. Никто не должен меня увидеть. Боже, помоги мне! Я это делаю не для себя, а для Оленьки, за которую, если понадобится, отдам жизнь. Эта мысль придавала мне сил и уверенности. Шаг, второй, третий. За окном воет ветер, скулит, стонет, и, кажется, кто-то подглядывает за мной, следит за каждым шагом.

Я нашел ключи в ящике стола... Будто сомнамбула, брал из сейфа деньги, складывал их за пазуху, по карманам. Вытащил ключ из замка, вытер его о гимнастерку, чтобы не осталось отпечатков пальцев. В коридоре я постоял, прислушиваясь, настороженный, как зверь, готовый к неожиданностям.

И куда мне деть эти деньги? У меня еще полчаса. Все спят. К Оленьке бежать пять минут. К Оленьке, к Оленьке... Для нее обокрал я кассу, открыл сейф. Забрал все деньги. Сколько их? Все равно. Хватит Оленьке на квартиру и на будущее... Беги, беги, отдай ей. Быстрее, быстрее...

Не обращая внимания на дождь, шлепнувшись дважды на расплывающейся глине, мокрый и грязный, я добрался до Ольги. Еще немного — и, наверное, выломал бы дверь, молотя сапогом. Она, наконец, открыла, перепуганная, с ружьем в руках.

— Ты?! Сдурел?..

Я вошел в сени, вывалил на пол деньги, поцеловал Ольгу и бегом назад. Крикнул только, закрывая за собой дверь:

— Спрячь!

Прошла неделя. Все благоприятствовало мне. Майор Кириллов заболел гриппом, и пока вместо него ротой командовал капитан Гризюк, который вот уже два дня как на торпедном катере вернулся с Большой земли.

Катер стоял в бухте, и капитан-лейтенант Гарбузь, мой земляк с Могилевщины, пока не выходил из домика майора Кириллова. Они гуляли, потому что Изя Жердич из Одессы, окончивший перед армией три курса консерватории, со вчерашнего дня не ночевал в казарме вместе со своим баяном. И веселые песни плыли над островом.

Когда заснула рота, я выскользнул из казармы. Осторожно шел, держась тени, где видел необходимость — полз. Так, как нас учили в Центре подготовки младшего комсостава.

Я хотел увидеть Оленьку. Хоть на минутку. Да и поговорить с ней нужно, обсудить нашу жизнь. Я напишу письмо родителям, чтобы ждали нас с Оленькой, потому что сначала будем жить у них. А если вдруг родится ребенок? Мальчик или девочка. Девочка будет красавицей — такой, как Ольга. С длинными черными волосами. Мальчик будет похож на меня: светловолосый, высокий и сильный.

Что сделать, чтобы позвать Оленьку? Кого попросить? Я сидел полночи перед домом Гризюка в зарослях и ждал, надеясь на помощь небес, потому что ни один человек на острове не мог услышать голос моего сердца. Разве только Ольга...

Утратив всякую надежду увидеть любимую, я едва успел вернуться в казарму до подъема. На разводе уже был майор Кириллов. Я слабо слушал, о чем говорил командир роты. У меня дрожали руки и ноги от мысли, открывал ли Кириллов сейф. Наверное, еще не открывал. Иначе бы начался кавардак. Майор — эмоциональный мужчина, командный голос выработал, и если кричит, так слышно далеко от казармы. Но развод закончился спокойно, без криков, ругани.

У меня был очередной наряд на кухню, и я пошел со своими напарниками к столовке, от которой, словно на ладони, видны темно-свинцовые волны моря. Бухта с торпедным катером...

Бухта. Пустая бухта... Без катера, который уже возвращался на Большую землю. С Ольгой на борту. Об этом я узнал в конце дня. А через четыре месяца я тоже плыл на торпедном катере к Большой земле в качестве подследственного, признавшись в краже денег из гарнизонного сейфа... А Гризюка и Ольгу так и не нашли.

Деревенская любовь

Сад уже отцвел, и только молодая яблонька у погреба была еще вся белая и стояла, как большой букет, как подарок жениха невесте. Когда Екатерина выходила замуж, перед росписью в сельсовете Владик подарил ей букет белых цветов. Он очень походил на эту яблоньку, только был намного меньше ее. Екатерина с умилением осмотрела свой двор, околицу. Что-то щемило, волновало душу...

В гнезде, на хлеву, стоял на одной ноге аист, как сторож, оглядывал округу, изредка оглашая ее клекотом. «Прилетел, хороший мой Савка, прилетел!» — усмехнулась про себя Екатерина. Что-то припоздал в этом году Савка. У соседа Балабаса давно на хате такой же наблюдатель стоит. А Савка припоздал... С чего бы это? Может, дачу себе лучшую нашел?.. И все же прилетел. Вон аистиха подлетает, скоро засвистят над усадьбой и аистята. А Савкой аиста она назвала, потому что клюв у него чем-то был похож на нос ее родного дядьки, который живет возле монастыря, на Кляшtare.

Как чудесно жить, радоваться красоте, которую дал человеку Бог. Екатерина и сама тоже постаралась: огородик полон цветов, и со стороны улицы у хаты они буйно растут, и разных сортов.

Дети были в школе, Владик на работе, и у нее получился настоящий выходной. На мясокомбинате, где работала лаборанткой, объявили какой-то профилактический ремонт.

Она с утра прибрала в хате, приготовила обед. На первое — кислые щи с грибами и овсяный суп с молоком (Владик любит заесть им обед), на второе — мачанку, на третье — клюквенный кисель. Сама сейчас тоже что-нибудь бы съела, но и так ведь лишние килограммы набрала, платье уже рвется.

Чем заняться? На огород — рано: все посажено, посеяно. Можно было бы что-нибудь пошить. Пять метров черного с блеском вельвета купила когда-то себе на юбку, детям на штанишки. Только ни она, ни малые — не голые. Успеется. Слава богу, хватает дома добра.

Вспомнила: мало хлеба, да и масла подсолнечного осталось на доньшке. Крупы нужно купить, сахару, да еще что, может, на глаза попадетя.

Надела новое, цвета морской волны, платье, которое перед Новым годом раздобыла в Минске, на рынке в Ждановичах. Наверх набросила легкую кофточку. Глянула на себя в зеркало. Кажется, и очень даже ничего женщина. Не маленькая и не крупная. Волосы каштановые, жесткие, словно конские, волной ниспадают на плечи. Если бы чуть покороче нос, так вообще, хоть в телевизор.

Не каждая артистка сравнится. Глаза — с огоньком, губы — полные. Шея — длинная и белая. Ни разу еще кремом не мазала, все от отца и матери. Мама говорила как-то: «Парни табуном за мной бегали. Смотри, Катюша, ты лицом и меня превзошла. Я наломала когда-то дров — ты остерегайся».

А у кого из женщин в деревне грудь лучше? Двоих родила, а как у двадцатилетней. А фигура? Немного, правда, бедра широковаты. А так... Эх, Владик, Владик, не ценишь ты свою жену, не ценишь. Придет с работы, воняет мазутом, табаком, водкой. Поел, помылся или не помылся и — храпака. Василий Последний на маевке прицепился: Мордюкова, Мордюкова. Какая я тебе Мордюкова? Она умерла уже! А я молодая, и жить мне да жить. Интересно: какая я буду в старости? Такая, как Мордюкова, или как Дуня горбатая?

Екатерина повернулась направо, налево, вновь осмотрела себя, потянула вниз платье на бедрах и, довольная собой, вышла из дома. Ей вдруг стало грустно на душе, хотелось чего-то нового, волнующего. Все вокруг было обычное: лес за дорогой темный, почти черный, озеро, знакомое с раннего детства... И хата, кажется, хуже, чем у Ковальца или Алеся Зеленого. А отец?.. До сих пор не научился жить, как люди живут. Работают с Талахуном сторожами на складе, где хранится спирт. Талахун забыл, когда водку покупал, а отец хоть бы бутылку принес. «Это не в моих правилах». А как нальешь сто граммов, с удовольствием шахнет. Принципиальный... Зачем выдавал тогда за Владика? Будто не видел, что звезд с неба не хватает. Вот так тебе и надо, Екатеринка!

Когда-то ухаживал за Екатериной летчик Сергей. Капитан. Веселый. Все анекдоты рассказывал и пел, пел: «Екатеринка, Екатеринка, очень вкусная ляндринка. Полюби меня теперь, а я после, я в четверг!»

Мать прицепилась: «Зачем тебе этот летчик-налетчик? Куда-нибудь пошлют — и бросит тебя. Либо разобьется на своем бомбовозе...» Как в воду смотрела. За неделю до помолвки вместе со своим самолетом просто слетел в озеро. На похороны Екатерина не ходила — мать не пустила. Назавтра зашел к ним в дом Антон, друг Сергея, тоже капитан. Влепил Екатерине пощечину и ушел. Она долго плакала, прямо истерика была. Фельдшерицу из больницы вызывали.

Поправилась — и через месяц вышла за Владика. Сначала цеплялся, попрекал летчиком. Однажды пришел выпивший и снова начал гавкать, как пес. Екатерина за шкуру выкинула за порог и подзатыльников надавала. Переночевал в хлеву, а утром приполз. Плакал, целовал колени. Куда же теперь от него деться?.. Николке — семь годков, и Зойке — десять...

От озера, поднимая облака серо-желтой пыли и подсакивая на выбоинах, к их улице вдоль поля летел грузовичок. Дождя давно не было. И пыль узким хвостом от ветра затягивало на улицу. Вот-вот наплывет на хату... Не хватало, чтобы новое платье, которое еще ни один человек в деревне не видел, заляпало грязью.

Екатерина проворно вернулась назад к себе во двор. Дурак! Ехал бы по шоссе. Несет его черт! А если бы белье во дворе сохло?..

Автомобиль неожиданно затормозил напротив их ворот. И сразу пыль, тянувшаяся за ним, хлынула во двор. Екатерина едва успела вскочить в хату. Аж аист-караульщик заклекотал от наглости того, кто остановился возле усадьбы.

— Э-ге-гей, хозяйка! Где спряталась? Дай несчастному шоферу воды попить...

Екатерина глянула через окошко на веранде. На крыльце стоял и посвистывал в рыжие усы Стас Мазур. Лицо не понять то ли испачканное, то ли загоревшее. Только очки на носу блестят. Работал Стас вместе с Владиком. Только он шофером, а муж трактористом. На маевке с ним раза два потанцевала. Хорошо, что все были в подпитии. Прижал к себе и поцеловал. И раз, и другой. Может, и отбивалась бы, но люди кругом. Был еще не женат. Слышала, будто очень падал на замужних. Хотя внешне никогда не скажешь, что сильно прыток по этому делу. Рыжеватый, спереди редкие зубы. Не зря говорят женщины: не верь редкозубому — обманет. Только будто никто из мужчин в деревне не смог победить его в борьбе на руках.

Екатерина вышла из сеней и, как ей показалось, очень строго прикрикнула:

— Что же ты делаешь, паразит? А если б у меня белье висело? Что тогда?..

— Что тогда? — переспросил Мазур, снял очки, вытер их носовым платком, больше похожим на тряпку.

«Должно быть, ею же и машину вытирает», — подумала Екатерина.

— Что тогда, говоришь?..

Как стоял, так и прислонился своей грязной одежкой к Екатерине, к ее новому, цвета морской волны, платью. Крепко обхватил ее за голову и начал жадно целовать, пачкая чумазым лицом шею, губы, волосы. Со всей силой упираясь руками ему в грудь, Екатерина только смогла прошептать:

— Люди ж, люди...

— Какие люди, где ты их видела?

— Пусти. Сейчас Владик на обед придет.

— Какой обед? Он поехал под Ружаны за лесом.

— Так ты приехал попить воды или сообщить, куда Владик поехал?

— И то, и другое...

Она не успела и оглянуться, как Мазур, полегоньку нажимая, затолкал ее в сени. Еще минута, и они были уже в хате. Тут он ее отпустил. Сел в кресло, которое Екатерина неделю назад вычищала с порошком, два дня сушила, перетаскивая из хаты во двор и со двора в хату.

Она подала ему воду в железном ковше, не упустив случая сказать:

— Ну, ты и свинья. Не мог сесть на скамейку. Влез в своем комбинезоне в кресло. И дома так делаешь?

— Нет, дома так не делаю. На кружку...

Екатерина подошла к нему забрать посуду. Он схватил ее за руку, потянул к себе.

— Да что ж такое? Девочек тебе мало вокруг?

— Они не такие вкусные...

Мазур опять начал ее целовать и повел, повел по комнате, будто танцуя. Она почувствовала, какие у него сильные руки. И пахнет здоровым мужским потом. Запах бензина и мазута даже приятен.

— Как поцеловал на маевку — до сих пор не могу забыть. Еще хочется...

— Сильно?..

— Сильно...

Екатерина забыла о существовании Владика, детей. Забыла, куда собиралась и обо всем на свете. Ей сейчас были нужны только руки Мазура, губы, сильное, напряженное, словно струна, тело. Через несколько минут она сама целовала его, ласкалась, словно кошка в марте, чуть не мурлыкала от счастья, от праздни-

ка, который подарил Мазур. А он лежал довольный, раскинувшись на кровати, пыхая сигаретой. Умилению Екатерины он принимал как должное.

— Ты что, куришь? — наконец очнулась, пришла в себя Екатерина.

— А что, нельзя?

— Владик же не курит. Унюхает и сразу поймет, что мужчина был.

— Ты скажи, будто сама куришь.

— Я не курю, он же знает. Дурак он что ли?

— А ты возьми и закури...

— Нет! Ты чего?

— А что? Отведай.

— Ну, ты, дьявол-искуситель, — Екатерина взяла сигарету, закурила.

Сначала показалось горько, потом — и ничего. Подумалось: этак раз-другой, да по-настоящему закуришь. А на душе было легко-легко. Хотелось петь, танцевать. И захотелось вновь в объятия к Мазуру. Однако он вскочил с кровати, быстро оделся, поцеловал ее.

— Извини, нужно ехать в поле, а то поиски начнутся. Скоро увидимся.

— Буду ждать, — не выпускала из своих объятий Екатерина. И шутливо добавила: — Не пушу, не пушу...

Он легонько оттолкнул ее и выбежал из хаты. Она обессиленно присела на кресло, на котором сидел Мазур, и словно почувствовала его тепло, дыхание, запах. Какой уж тут магазин... Может, после обеда схожу. Еда есть. Голодны не будут.

Хлопнули двери. Вошел Владик, как всегда без настроения, унылый. Небритый, сгорбленный, все равно будто отца или мать похоронил. Лицо грязное, как и у Мазура, но сегодня почему-то особенно неприятное. Пот течет по лысине, носом шмыгает. Что такое случилось?

— Зачем Мазур заезжал? — сразу с порога.

— Откуда знаешь?

— Еще от Подвербья увидел: стояла у хаты его машина. Что ему надо было?

— Хотел меня поцеловать.

— Чего? — сжав кулак, шагнул к жене.

— Ну-ну!.. Забыл мои уроки — так напомним. Шуток если не понимаешь, так не дури мне голову.

С этого времени Мазур и Екатерина начали встречаться почти ежедневно. В городе, придет пора, тайное становится явным, а в деревне тем более. Звон летит стремительно. Даже не успеешь придумать, что говорить в оправдание.

...Екатерина накрывала на стол. У сына завтра день рождения. Жарила, варила. Детей должно было прийти человек двенадцать. Еще взрослых шестеро. Получаются хорошие такие гости.

Только сварила студень, разлила по тарелкам и вынесла в чулан, как в хату влетел, как сумасшедший, Владик. Кричит: «Курва, паскуда, сволочь! Убью, зарежу тебя и твоего огера». Любовника, значит. Кулаками размахивает, прыгает, пена изо рта прет. Дурак, чистой воды дурак. Екатерина плюнула ему в лицо и как-то спокойно, без всякого волнения, начала собирать одежду в огромную сумку, с которой в девятидесятых годах ездила в Польшу. Потом позвонила Мазуру. Он давно предлагал переехать к нему. В доме одна старенькая мать, мешать им не будет. А как дети? Нет, детей не нужно. Своих сделают. Долго не соглашалась на такое Екатерина, а теперь согласилась. Одно желание было: уехать как можно быстрее. Опротивело жить с нелюбимым, неинтересным человеком, который думает только о комбикорме, свиньях, корове. И о том, как бы в хлеву, тайком от жены, вылакать бутылку вина.

На дне рождения еще побыла дома. Выпила рюмку с гостями, попела, даже отпрыгала «Лявонику».

Назавтра с чистой душой Екатерина уехала с Мазуром. Новая свекровь мало говорила, больше молчала. Только на печи, перед тем как заснуть, каждый день что-то бубнила. Однажды Екатерина услышала: молодой парень, чужую жену привел. Девочек — полмира, а он вторую мамку себе нашел.

Детей Екатерина навещала часто, но старалась, чтобы Владика дома не было. Не то чтобы боялась его — просто неловко себя чувствовала.

С Мазуром каждая ночь была горячей, сладкой. Утром не хотелось вставать с постели.

Так они прожили полгода. Сначала в деревне стоял гул. Все забыли о Чечне, Америке, Афганистане, перестали проклинать местную власть. Одни разговоры были — про новую молодую семью.

Однажды Екатерина собралась стирать белье. Бросала вещи в машину. На рубашке Мазура увидела два крупных пятна от помады. Чужой помады, потому что сама такой не пользовалась. Вечером она бранилась, отказывалась подавать Мазуру еду. Потом удивлялась себе: как она так могла. Он долго молчал, слушал, все только протирал очки. Это был верный признак его возбуждения. Однако Екатерина никак не могла успокоиться и все кричала, оскорбляя его.

Мазур молча, не спеша, собрал по дому ее вещи, запихал в сумку и вынес во двор. Потом взял Екатерину за руку. Как была в халате и тапочках, вывел за порог и закрыл за ней дверь.

Ночь она просидела, дрожа от холода, в саду. Утром попросила соседа подвезти ее.

Екатерина зашла в свою хату и едва не потеряла сознание. На скамье у печи сидели Владик и дети. Она упала на колени перед ними и заплакала. Слезы текли — и сразу исчезали: их вытирали руки самых дорогих для нее людей. Теперь она это поняла.

Дни текли, как вода в реке. В хлопотах, заботах. Уже будто и забыли в деревне об их романе с Мазуром, но все же так просто те полгода из сердца не выкинешь. Не раз просыпалась Екатерина от того, что плакала во сне, ссорилась с Мазуром, даже дралась. Хотя в реальности до этого не дошло. Бывало, услышав тяжелое дыхание грузовика, выходила во двор и смотрела: а вдруг он?

К Владиду, казалось, вернулись светлые красивые дни после свадьбы. Такой он стал обходительный, ласковый. Зубы начал чистить. Как побреется, одеколоном лицо обрызгает. Ездил в райцентр и оттуда большущий букет привез. Сдурел мужик: во дворе своих хватает. Ничего не возразила, поблагодарила. Даже поцеловала. Так он до двенадцати ночи дрова колол. Соседка Козлиха Маня заходила, спрашивала: «Что это он у тебя все стучает? Спать не дает».

...В их смене на мясокомбинате был очередной медосмотр. Ее проверили, и по тому, как переглянулись врач с медсестрой, Екатерина поняла, что это неслучайно. Она и сама уже с месяц чувствовала себя плохо. Ее постоянно качало, будто пьяную, болел правый бок. К врачу не обращалась. Вообще считала себя абсолютно здоровой. Бабушка прожила девяносто пять лет. В девяносто танцевала на свадьбе внучки. Чем Екатерина хуже? Как говорится, по породе куры хохлатые.

Диагноз был страшен — рак последней стадии. Свои последние дни она лежала и только плакала, молила Владика убить ее, отравить. Так ей было больно.

За несколько дней до смерти Екатерина попросила, чтобы Владик позвал Мазура. Тот подошел к кровати, бледный, с дрожащим подбородком. На нее не смотрел, молчал. Наконец вымолвил:

— Прости...

— Спасибо... — прошептала Екатерина тихо, но все, кто стоял близко, тоже слышали...

*Перевод с белорусского
Никиты СУПРУНЧУКА.*